

РАЗЛОМ

КНИГА 1

КОНСТАНТИН КО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Ко

Разлом

«Автор»

2026

Ко К.

Разлом / К. Ко — «Автор», 2026

Максим Соловьёв просто хотел доехать домой. После двойной смены. Туннель. Фура на встрече. Удар. А потом — река. Чужой лес. Два солнца в небе. И тело, которое не его, но слушается. Тело того, кто только что утонул. В кармане — письмо: «Магии нет и не будет. Ухожу». На поясе — кинжал. А из ладони, когда на него бросается волчья стая, вдруг вырывается что-то, чего не должно существовать. Максим не хочет быть бароном. Не хочет замок, магию и чужие войны. Он хочет домой — к сыну, к велосипеду со слетевшей цепью, к обещанию, которое дал в воскресенье. Где-то в реанимации его тело ещё дышит. Пока дышит.

© Ко К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Туннель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Ко

Разлом

Глава 1. Туннель

Последняя смена.

Стрелка спидометра замерла на восьмидесяти.

Старая «Нива» гудела, как недовольный трактор — что-то опять разболталось в подвеске, надо будет глянуть в выходные, если выходные вообще случатся. Максим потёр лицо ладонью, пытаясь разогнать усталость, растолкать кровь, заставить голову думать. Веки наливались свинцом. Не помогало.

Шестнадцать часов на ногах.

Главный пресс на третьем участке сдох прямо в середине смены — с характерным металлическим стоном, который опытный слесарь распознаёт на слух за секунду до того, как гаснет индикатор. Запуск горел: срыв сроков грозил штрафами всему цеху, мастер Петрович орал в телефон кому-то наверху, потом орал вниз — Максиму, потому что Максим был рядом и умел чинить.

Он полез в механику, как всегда. Гидравлика, датчики, проводка — всё по очереди, методично, без суеты. Руки в масле по локоть, спина ноет от неудобной позы под станиной, Петрович нависает сзади и дышит в затылок, комментируя каждое движение с той интонацией, которая предполагает, что он сам справился бы быстрее, хотя сам к механике не подходит уже лет восемь.

Максим не отвечал. Просто работал.

Через два часа двадцать минут пресс запустился.

Петрович хлопнул его по плечу так, будто это была его личная победа. Максим вытер руки ветошью, кивнул, забрал куртку и пошёл на выход — молча, потому что слов не осталось, только усталость и мысль о том, что в машине лежит термос с холодным уже кофе, который всё равно поможет меньше, чем сон.

В кармане куртки лежал брелок.

Кривая железная буква «М» — сваренная неровно, с подтёками, с одним углом чуть короче другого. Артём сделал её два года назад в кружке технического творчества, притащил домой в ладонях, держа осторожно, как что-то живое. «Папа, ты же всёчинишь, вот тебе талисман!» Было ещё до развода. Максим тогда долго смотрел на эту кривую букву и не мог найти слов, потому что слова были бы меньше того, что он чувствовал.

Он машинально нащупал холодный металл сквозь ткань.

Завтра увидит сына. Обещал научить чинить велосипед — у Тёмки слетела цепь, а Ольга в технике не разбирается, и велосипед уже две недели стоит в коридоре, и каждый раз, когда Максим звонит, сын спрашивает: «Пап, ты приедешь в выходные? Мы же велик починим?»

Приедет. Починят.

Трасса была пустой. Четыре утра, редкие фонари, серые отбойники по краям. Радио бормотало что-то тихое, Максим убавил ещё, чтобы не раздражало, но и не выключил — без звука совсем плохо, тишина убавкивает быстрее. Он приоткрыл окно, впустил холодный апрельский воздух, моргнул несколько раз.

Впереди показался туннель.

Четыреста метров бетона и жёлтого освещения. Правый поворот посередине. Этот туннель Максим знал наизусть — ездил через него дважды в день три года подряд. Въезжал в него тысячу раз.

Въехал и сейчас.

Жёлтый свет обступил машину со всех сторон, ровный, безтеневой. Гул двигателя изменился — приобрёл ту закрытую, гулкую глубину, которая бывает только в замкнутых пространствах. Разметка мелькала под колёсами — белая, белая, белая.

Глаза закрылись.

Не намеренно. Просто — закрылись. На секунду. Только на секунду.

Визг тормозов разорвал тишину.

Максим дёрнулся, открыл глаза — и увидел фуру. Огромную, слепящую дальним светом, занявшую весь туннель, прущую прямо в лоб. Встречка. Он на встрече.

Время растянулось — как бывает в момент аварии, как рассказывают люди, которым повезло выжить и потом описывать: всё замедлилось, каждая деталь стала отдельной и чёткой.

Руль вправо — резко, до упора. Машина не слушается сразу, идёт юзом, покрышки визжат по бетону. Фура совсем близко, гудок бьёт по ушам так, что перестаёшь его слышать и начинаешь чувствовать физически. Максим видит кабину — и лицо дальнобойщика за стеклом, такое же перекошенное от ужаса, как, наверное, его собственное.

Удар.

Хруст металла — короткий и полный, без эха. Взрыв подушки безопасности, белое, горячее. Вспышка боли в груди и голове одновременно.

Потом — темнота.

Не постепенная. Просто — была картинка, и её не стало.

Холодная вода

Холод.

Ледяной, пробирающий до самых костей, до позвоночника, до места внутри, где, кажется, тепло вообще не живёт.

Максим захлебнулся, втянул воду вместо воздуха, закашлялся — рефлекторно, до рвоты. Руки уже работали сами, молотили по поверхности, тело рвалось вверх из чистого инстинкта, без участия сознания. Лёгкие горели. Темнота вокруг — уже не чёрная, а тёмно-зелёная, живая. Вода.

Он в воде.

Ещё метр. Ещё один. Давление в ушах.

Голова вынырнула.

Максим жадно, судорожно втянул воздух — раз, ещё раз, ещё, пока лёгкие не перестали гореть и не начали просто работать. Выплюнул воду. Огляделся, не переставая работать руками.

Река. Быстрая, тёмная, с белыми гребнями на перекатах. Течение тащило его, сильное и равнодушное, как механизм. Берег — метрах в десяти, каменистый, с корнями деревьев, выступающими из земли над водой.

Он поплыл, борясь с течением. Каждый гребок давался с усилием — одежда тянула вниз, тяжёлая, набухшая. Странная одежда. Не куртка с завода. Что-то кожаное, плотное, с металлическими кольцами на плечах.

Рука зацепилась за корягу у самого берега. Максим подтянулся, упёрся ногами в камни, выволок себя из воды — и рухнул на спину, глядя в небо, хватая воздух открытым ртом.

Живой.

Авария была лобовой. Фура весила тонн двадцать, скорость — километров семьдесят. Таких не выживают. Это не то, из чего выходят сами, на своих ногах, без больницы, без реанимации.

Максим поднял руку — посмотреть, всё ли цело.

И замер.

Это была не его рука.

Пальцы длиннее. Кожа моложе, чище — без мозолей на подушечках, без въевшейся машинной пыли в складках суставов, без шрама от сварочного ожога на запястье, который остался там лет семь назад и никуда не делся с тех пор.

Максим сел — медленно, как будто резкое движение могло что-то нарушить — и посмотрел на себя.

Чужая одежда: грубая кожаная куртка с металлическими клёпками, холщовая рубаха под ней, тёмные штаны из плотной ткани, высокие сапоги со шнуровкой. На поясе — ремень. На ремне — кинжал в кожаных ножнах.

Кинжал.

Максим провёл рукой по лицу — пытаюсь найти что-то знакомое, хоть что-то. Гладкие щёки. Не его щетина, которую он не брил со вчерашнего дня. Другой угол скулы под пальцами. Другой нос — прямее.

— Какого хрена, — прохрипел он.

Голос тоже другой. Моложе. Выше тембром — не сильно, но заметно.

Он стоял на берегу незнакомой реки в чужом теле и пытался найти точку, от которой можно было бы оттолкнуться. Любую точку. Что-нибудь, что имело бы смысл.

Потом поднял голову — и мир ударил по сознанию ещё раз.

Деревья. Не подмосковные сосны и берёзы — что-то другое, незнакомое, с тёмной почти чёрной корой и широкими кронами. Высокие, в несколько обхватов, стоящие так плотно, что между стволами почти нет просвета. Лес был живым и тихим одновременно — та тишина, в которой слышишь каждый звук по отдельности: воду, ветер, птицу где-то высоко.

Максим запрокинул голову.

Сквозь просветы листвы в небе висели два солнца.

Два.

Одно — обычное, желтоватое, поднявшееся над горизонтом. Второе — меньше, красноватое, чуть в стороне, клонившееся к западу, как будто отстающее по своему собственному расписанию.

— Я умер, — выдохнул Максим тихо, скорее себе, чем кому-то. — Или совсем ебанулся.

Ни то, ни другое не казалось неправдой.

Тело на берегу

Он брёл вдоль реки, спотыкаясь о камни.

Мысли не выстраивались в систему — просто скакали, цеплялись друг за друга, не находили опоры. Два солнца. Чужое тело. Кинжал на поясе. Река, которой нет на Северном шоссе и никогда не было.

Кома? Галлюцинация от кровопотери, пока он лежит в покорёженной «Ниве» и ждёт скорую? Мозг умирает и показывает напоследок что-то большое — такое большое, что не сразу понимаешь, что это конец?

Но холодная вода была слишком реальной. Камни под подошвами сапог — слишком твёрдыми, каждый выступ чувствовался отдельно. Воздух пах сыростью и мхом и чем-то незнакомым, острым — не бензином, не заводом, не городом. Ничем знакомым.

Максим шёл, потому что не знал, что ещё делать.

Через полсотни метров он увидел тело.

Лежало у самой воды, застрявшее между двумя крупными камнями. Лицом вниз, в той же одежде, что была сейчас на Максиме — кожаная куртка, сапоги. Неподвижное, явно давно неподвижное. Вода тихо тёрлась о камни рядом с ним.

Максим остановился.

Потом подошёл ближе — медленно, как подходят к чему-то, что не хочется видеть, но надо. Присел. Перевернул тело.

Отшатнулся.

Лицо. Его лицо. Моложе лет на десять, без морщин у глаз и складки между бровями, которая появилась у Максима после первого года на заводе, — но черты те же. Тёмные волосы, прямой нос, тот же разворот скул. Даже шрам над левой бровью — который Максим заработал в армии, когда неудачно упал на учениях, — был здесь, на этом лице.

Максим долго смотрел молча.

Потом выпрямился, сделал шаг назад. Дышал медленно, заставляя себя думать, а не реагировать.

Факты. Только факты.

Он в чужом теле — в теле, которое выглядит как он сам, только моложе. Тело настоящего хозяина лежит здесь, мёртвое, судя по всему утонувшее. Значит — что? Значит, он каким-то образом занял его место. Это звучало как бред. Но всё остальное тоже звучало как бред, а камни под ногами были реальными.

Дрожащими руками он обыскал мёртвое тело.

В кожаной сумке на поясе: несколько монет — потёртых, с незнакомыми профилями на аверсе. Кусок засохшего хлеба, завернутый в тряпицу. И обрывок письма — помятый, влажный по краям, но читаемый. Почерк неровный, торопливый, как будто человек писал стоя или в движении.

Максим развернул его.

«...не могу больше. Отец не простит, но я не вернусь в этот замок. Магии нет, не было и не будет — я принял это. Пусть Родерик будет наследником, пусть все радуются. Я уйду туда, где никто не знает имени Соловейских. Прощай, Элис. Ты единственная, кто пытался понять.

Максимилиан»

Максим стоял над телом и перечитывал письмо.

Соловейских. Максимилиан Соловейский.

Почти его фамилия. Почти его имя. Мир, в котором это имя что-то значит — замок, отец, наследник. Мир, в котором существует магия — и у этого человека её не было, и это было достаточной причиной, чтобы уйти из жизни.

— Я в его теле, — сказал Максим вслух. Не утверждая — проверяя, как звучит. — Он утонул. А я здесь.

Абсурд. Но абсурд, который совпадал со всеми фактами по одному.

Протяжный вой прорезал тишину.

Далёкий, низкий, с той вибрацией, от которой кожа покрывается мурашками раньше, чем успеваешь понять, почему. Потом второй голос. Третий. Четвёртый — ближе остальных.

Максим выпрямился мгновенно. Рука легла на рукоять кинжала — сама, без команды, армейские рефлексy на угрозу не требуют обдумывания.

Много. Близо. Идут на звук или на запах, скорее всего на оба.

Он осмотрелся быстро — укрытие, позиция, путь отхода. Большой валун в пяти метрах, прикроет спину. Берег открытый, деревья начинаются метрах в двадцати. Бежать — значит показать спину, это всегда ошибка.

Максим отступил к валуну, не поворачиваясь.

Первый огонь

Они вышли из деревьев почти бесшумно — только камни тихо хрустнули под лапами.

Шестеро. Крупные, серые, с той особой плавностью движений, которая бывает у зверей, никогда не голодавших — они не торопились, не суетились. Знали своё дело. Вожак шёл впереди немного, размером с телёнка, с широкой грудью и тёмными полосами вдоль хребта. Жёлтые глаза смотрели прямо — не на тело у воды, не на камни, на Максима.

Максим вытащил кинжал. Лезвие короткое, сантиметров двадцать — хорошая сталь, удобная рукоять. Против одного волка, может, хватило бы. Против шести — игрушка, и он это понимал.

Подобрал с земли толстую ветку — хоть что-то для второй руки. Вес нормальный, длина достаточная, чтобы держать на дистанции.

Волки окружали его методично, не спеша. Расходились полукругом, каждый держал угол, не мешая остальным. Это было похоже на работу — не на охоту, а именно на работу, хорошо отработанную и привычную.

Вожак оскалился. Рык низкий, вибрирующий, он чувствовался в груди.

— Ну давай, — сказал Максим тихо. — Попробуй.

В армии его учили: против нескольких противников не защищайся — атакуй первого так, чтобы остальные поняли, что это дорого. Может, не поможет. Но хотя бы не умрёшь, пятясь.

Вожак прыгнул.

Быстро — быстрее, чем Максим ожидал, быстрее, чем выглядело. Он замахнулся веткой, но зверь ушёл под неё, пасть раскрылась, целясь в горло.

Максим выбросил левую руку вперёд — заслон, последний, уже понимая, что не успевает, — и крикнул что-то, от ярости и от страха одновременно, не словами, просто звуком.

Из ладони вырвалось что-то.

Не огонь. Не свет. Но что-то — волна, удар без касания, искажение воздуха, как бывает над раскалённым металлом, только во все стороны сразу. Вожак врезался в эту волну на полном ходу — и его бросило назад, как тряпичную куклу, без сопротивления, без замедления. Зверь пролетел метра три, врезался в камень у воды с глухим коротким ударом и рухнул.

Не встал.

Максим стоял с поднятой рукой и тяжело дышал.

Остальные волки замерли — все пятеро, одновременно, как будто кто-то выключил движение. Смотрели на вожака, потом на Максима, потом снова на вожака. Потом, почти синхронно, развернулись и ушли в лес — не убегая, именно ушли, тем же спокойным плавным шагом, только в другую сторону. Через несколько секунд деревья поглотили их.

Тишина.

Максим медленно опустил руку. Смотрел на неё.

Обычная ладонь — чужая, длиннопалая, молодая. Никаких следов. Никакого тепла, никакого свечения, ничего. Просто рука.

Вожак лежал у камня, не двигался. Шея под неестественным углом.

— Что я сделал? — прошептал Максим.

Ответа не было. Но вопрос, который начал формироваться следом — тихо, ещё не до конца, — был другим.

У Максимилиана Соловейского не было магии. Он написал об этом в письме. «Магии нет, не было и не будет — я принял это.» Ушёл из жизни отчасти поэтому.

А у Максима Соловьёва, слесаря с завода, — только что вырвалась из руки волна, убившая волка с трёх метров.

Значит — что?

Додумать не дали.

Сквозь деревья пробились голоса. Человеческие, несколько сразу. Топот копыт по камням. Лязг металла. Огни факелов замелькали между стволами, приближаясь.

— Барчук! Максимилиан! Где вы?!

Конный отряд — человек десять, в кожаных доспехах, с копьями и мечами, с факелами в руках. Они прочёсывали берег, двигаясь вдоль реки, и голоса были встревоженными — не угрожающими, именно встревоженными. Так ищут того, кого боятся не найти.

Они искали Максимилиана.

Максим посмотрел на тело у воды — оно лежало за камнями, в тени, не видно с берега. Потом посмотрел на свои — чужие — руки. Потом на приближающиеся факелы.

Выбора не было. Или был, но только один.

Он шагнул из-за валуна, поднял руку.

— Здесь! — крикнул он. — Я здесь!

Факелы развернулись на голос, копыта ударили быстрее. Первым подъехал мужчина лет пятидесяти — седая борода, шрам через щёку, усталые глаза человека, не спавшего долго. Осадил коня, посмотрел на Максима сверху вниз — секунду, две — и выдохнул с облегчением, как выдыхают после долгого задержанного дыхания.

— Барчук, — сказал он. — Три дня ищем. Барон в ярости. Живы?

— Живой, — ответил Максим.

— Потом расскажете. — Мужчина уже спешивался, снимал плащ. — Поехали. До замка полдня пути, и барон ждать не любит.

Максима посадили на коня. Отряд тронулся — организованно, привычно, без лишних слов.

Максим обернулся.

Тело Максимилиана

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.